

Д.В. КОНОНЧУК

*кандидат философских наук, доцент
Дальневосточный Федеральный университет
Владивосток, Россия
Novymladshy@yandex.ru*

ПЯТЬ ПРЕДПОСЫЛОК ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФИИ: КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Как известно, философия исторически возникла в рамках «Осевого времени» лишь в трёх регионах – в Греции, Индии, Китае. Однако кажущаяся «редкость» явления философии не может служить признаком какой-то исключительности философии как явления, особенно если учесть, что ядро философии – рефлексивность – является частью экзистенциальной структуры сознания. Вопрос объясняется тем, что изначально лишь в указанных трёх регионах сложился необходимый комплекс из пяти предпосылок генезиса философии; остальным же оказалось проще заимствовать готовые их разработки. Пять предпосылок генезиса философии рассматриваются с помощью классического образа *cultura* как возделывания земли, они суть 1) «потребность в пище», 2) «сеятели», 3) «благодатная почва», 4) «защита всходов», 5) «правила севооборота». Каждая из предпосылок иллюстрируется на примере генезиса китайской философии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01094.

Ключевые слова. Генезис философии, Китайская философия, Осевое время, Конфуций, Гуань Чжун, Чуньцю, Чжаньго, греческая философия

D.V. KONONCHUK

*PhD in Philosophy, Associate Professor
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
Novymladshy@yandex.ru*

FIVE PREMISES OF PHILOSOPHY GENESIS: CHINESE SPECIFICITY

As is well known, historically philosophy arose within the Axial Age in only three regions – Greece, India, and China. However, this seeming rarity of the phenomenon of philosophy cannot be a criterion to consider its origin as an exceptional occurrence. The fact that the so-called general principle of philosophy – reflexivity – is a of the existential structure of consciousness supports this idea. The possible question above is explained by the fact that five basic premises of philosophy genesis were formed initially only in three mentioned regions. As for the other regions, that was much easier to use already finalized philosophical teachings. To illustrate the five premises of philosophy genesis the paper uses an idea of «cultura» in the meaning of tilling the land. Those premises are 1) «a need for food», 2) «sowers», 3) «a fertile ground», 4) «protection of seedlings», 5) «crop rotation rules». All premises must be present together: the absence of even one of them will disavow the others. Each of the premises is illustrated by examples from the situation of the genesis of Chinese philosophy.

Keyword: Genesis of Philosophy, Chinese Philosophy, Axial Age, Confucius, Guan Zhong, Chunqiu, Zhanguo, Greek Philosophy

Данная работа представляет собой тезисы выступления автора на конференции «История философии: антропологическое измерение» (СПбГУ, ноябрь 2019), чем и объясняются её небольшой объём и повествовательный стиль, при том, что тема, затронутая в статье чрезвычайно широка и многопланова. Поэтому цель работы заключается в том, чтобы в наиболее общем виде сформулировать наше понимание генезиса философии в целом и китайской философии в частности. К более подробной экспликации данной темы автор надеется обратиться в последующих работах.

Как известно, философия возникла в рамках т.н. «Осевого времени» в трёх регионах – в Греции (рубеж VII-VI вв. до н.э., начало ионийской традиции), и параллельно в Индии и в Китае (рубеж VI-V вв. до н.э., соответственно, начало шраманской и конфуцианской традиций). Факт автохтонного появления на свет феномена философии лишь в трёх географических регионах (да к тому же усиливаемый время от времени преследующей европейский гуманитарный дискурс идеей, что философия – и вовсе лишь греческое предприятие) может вызвать впечатление, что появление на свет философии есть некое исключение, чуть ли не «чудо». Чудеса изредка могут быть встречены в философии (ещё чаще – в религии), но в истории философии, как и в любой другой науке, чудес не бывает: в ней есть лишь комплексы причин и следствий. Философствование как рефлексивное прояснение вопроса¹, как видение себя видящего на фоне мира в целом¹, свой-

¹ О рефлексивности как сути и центральном методе философии см., напр.: [2; С.85]

ственно человеку вообще, но актуализироваться в полной мере, совершив рывок с уровня индивидуальной экзистенции на уровень социокультурной практики, оно может лишь при сложившемся наличии в рамках той или социокультурной общности (цивилизации) комплекса определённых предпосылок.

В социокультурном смысле философия в своё генезисе представляет собой не «чудо», а ответ. Ответ в тойнбианском смысле, ответ на вызов среды, с которым сталкивается цивилизация. Несколько «приземляя» дискурс, можно сказать, что философия – это адаптивная технология социокультурной общности, которая может рассматриваться в ряду с другими адаптивными технологиями, такими, например, как письменность. При этом стоит заметить, что правы умеренные диффузионисты: подавляющая часть технологий, да и культурных форм как таковых, в истории вовсе не открывалась каждой общностью заново, но заимствовалась. Например, никто не считает «чудом», что подавляющая часть современных письменных систем представляет собой многочисленные ветви всего лишь двух автохтонных древ эволюции, исходящих а) из финикийского письма (греческий алфавит, латиница, кириллица, через арамейскую ветвь – арабская и еврейская письменности и др.) и б) из письменных знаков *цзягувэнь* (китайские стили *цзиньвэнь*, *чжуаньшу*, *лишу*, кайшу, японские слоговые азбуки *хирагана* и *катакана*, отчасти корейский *хангыль*, вымершее тангутское письмо и др.). Подобные диффузионные процессы мы можем наблюдать и для жанров словесного творчества, в качестве одного из которых может рассматриваться философия. В ситуации, когда соседние с открывшими философию народы с ними достигали складывания уровня предпосылок – им было проще и удобнее заимствовать греческий философский паттерн (римская, христианская, арабская философии), китайский философский паттерн (японская философия) и т.д. В этом смысле распространение философии напоминает распространение любой адаптивной технологии. Если практически вся мировая письменность восходит всего лишь к двум автохтонным «очагам», то вряд ли можно считать удивительным, что у мировой философии таких «очагов» лишь три².

¹ Хайдеггер: «Во-первых, всякий метафизический вопрос всегда охватывает метафизическую проблематику в целом. Он всегда и идёт от этого самого целого. Во-вторых, всякий метафизический вопрос может быть задан только так, что спрашивающий – в качестве спрашивающего – тоже вовлекается в него, т.е. тоже подпадает под вопрос». См.: [10; С.16].

² При этом мы не затрагиваем более узкие примеры адаптивных технологий, связанные с условиями среды – например, возделывание той или иной сельскохозяйственной культуры, или обработка того или иного металла. У каждой из такого рода технологий мы, как правило, обнаруживаем и вовсе один исходный «очаг» распространения.

Как и все другие адаптивные технологии, философия актуализируется в определённый исторический момент; и вышеозначенный комплекс предпосылок, который должен для этого сложиться, должен иметь вызово-ответный характер. Для иллюстрации мы обратимся к старому, ещё латинскому образу *cultura* в её изначальной ипостаси возделывания земли. Нелучайно данный образ применим к генезису не одной лишь философии, но, при определённых модификациях, и иных культурных феноменов. Для того, чтобы нам обеспечить возделывание земли, требуются пять предпосылок. Спроецировав этот образ на генезис философии, мы получаем следующий набор.

• **1) «Потребность в пище».** Кризисная социокультурная ситуация, продуцирующая, в первую очередь, политические и этические проблемы, которые невозможно разрешить традиционными способами, что порождает востребованность новых вариантов решений.

• **2) «Сеятели».** Философы, актуализирующие собственные рефлексивные возможности и потому говорящие от своего имени; поскольку востребованность их занятия выводит их на некоторый уровень престижности, она, следовательно, порождает известность и конкуренцию. При этом в генезисе процесса личностное начало практически повсеместно сопровождается апелляцией к божествам, «знакам», «даймониям» и т.д., либо скромно маскируется под прежнюю традицию¹.

• **3) «Благодатная почва».** Социокультурная среда, которая не просто способна воспринять идеи философа, но, несмотря на внутренний духовный кризис, обладает экономическим уровнем, достаточным для того, чтобы обеспечить философу свободное для его работы время и потенциальных учеников.

• **4) «Защита входов».** Относительная духовная свобода, когда в рамках общности отсутствуют социальные группы или индивиды, обладающие легитимной монополией на Истину, либо способные усмотреть в нарождающейся философии личную угрозу иного плана.

• **5) «Правила севооборота».** Единичный акт взращивания ещё не даст культурой; культуре свойственно транслировать себя во времени. Аналогичным образом, единственный философ, даже соблюдая все четыре предшествующие предпосылки, даст нам акт философствования, но ещё не даст нам факта философии. Философия, как и всякая система, аутопойетична, и поэтому её продолжающееся существование (т.е. собственно

¹ Первый вариант – греческий (апелляции к божествам Гераклита, Парменида, Сократа и др.), второй – скорее китайский, в частности, следует вспомнить скромное конфуциевское *шу эр бу цзо* 述而不作 «передаю, но не создаю» [6; 7.1].

аутопойезис) возможно как самореференция, самоописание [5]¹. Философия для факта собственного существования должна отдать отчёт самой себе в своём существовании и принципах этого существования. Обязательной предпосылкой формирования контура самоописания является формирование вокруг философа группы младших единомышленников из числа учеников, которые должны творчески воспринять идеи учителя и транслировать их дальше, составляя ядро философской школы и нарабатывая её защитный пояс².

Кратко рассмотрим каждую из предпосылок на китайском материале, привлекая при этом параллели из аналогичного процесса в классической Греции.

1) «Потребность в пище». Ответом на «катастрофу бронзового века», вызванную массовой засухой XII в. до н.э. и последующим похолоданием, стало массовое внедрение железа. В отличие от дорогой, «аристократичной» бронзы, железо в рудах – металл распространённый, однако массовой его выплавке препятствовала невозможность получения высоких температур. Когда такие температуры удалось получить, массовое распространение дешёвых, «демократических» железных орудий привело к росту производительности труда, обработке непригодных до того земель, массовому росту и увеличению плотности населения, а железных деталей – к усовершенствованию ирригационных систем и развитию сухопутного и водного транспорта³.

Столь масштабные социоэкономические изменения привели к изменениям социокультурным. Оказался запущен процесс коренного переформатирования всей социально-экономической структуры общества, что привело к разрушению традиционных ценностей и форм жизни. Параллельно с ростом населения и доступностью оружия повышается и социальная конфликтность. Растёт социальная миксация и мобильность. Среди простолудинов начинают выделяться действительно богатые люди, достигающие

¹ Характерно, что С.С. Аверинцев в пользу факта различия греческой литературы и ближневосточной словесности приводит именно осознание себя в качестве особого факта литературы, выразившееся, в частности, в началах теоретического осмысления собственных основ – даже, заметим, в ситуации, когда в греческой литературе не существовало единого термина для самообозначения [1; С. 42-43].

² Может быть спрошено: отчего в число предпосылок не входит наличие самого зерна для посева? Ответ прост. Посевному зерну в нашей схеме соответствует сама рефлексивная способность человека, а она является для человека сущностной, т.е. присутствует в схеме уже априорно. Вот почему ни один человек не способен уйти от философских вопросов; но для того, чтобы философствование стало философией, должны совпасть пять вышеназванных предпосылок.

³ Подробнее о роли железа в «Осевом времени» см. классическую работу: [4].

высокого положения. И наоборот, появляются обедневшие аристократы, чьё богатство составляло только происхождение и аристократическое воспитание¹.

Здесь возможно привести целый ряд примеров.

а) Гуань Чжун – Гуань Иу 管夷吾 (второе имя-цзы Чжун 仲, ок. 723 или 716 – 645 гг. до н.э.) – политический деятель государства Ци, канцлер-цзайсян 宰相 при циском Хуань-гуне (в 685 – 645 гг. до н.э.). Имел бедное происхождение, был мелким купцом с мошенническими наклонностями, однако сделав политическую карьеру, стал известен широкими экономическими реформами, благодаря которым царство Ци в VI в. по своей мощи превосходило остальные государства, и Хуань-гун был официально провозглашён гегемоном-ба 霸 с правом корректировать отношения между китайскими государствами.

б) Китайский мыслитель Мо-цзы – Мо Ди 墨翟 (468 (?) – 376 (?) гг. до н.э.), восходил, вполне возможно, к простолюдинам, но при этом добился ранга дафу [9; 74.13] и в расцвете своей деятельности наносил увещательные визиты владельцам удельных государств эпохи Чжаньго.

в) Конфуций – Кун Цю 孔丘 (второе имя-цзы Чжунни 仲尼, 552 или 551 – 479 гг. до н.э.) в детстве «знал нужду», хотя принадлежал к обедневшему аристократическому роду, восходившему, однако, к знатым шанским предкам. Своими именитейшими предками могли похвастаться многие ранние конфуцианцы. Так, Мэн-цзы – Мэн Кэ 孟軻 (второе имя-цзы Цзыюй 子輿, 372 – 289 гг. до н.э.) мог похвастаться родством с луской правящей династией, а через неё – с самим Чжоу-гуном, первым регентом династии Чжоу (после смерти У-вана) и легендарным основателем чжоуского ритуала. Однако при этом ни Конфуций, ни Мэн-цзы не снискали в жизни постов, равных посту Гуань Чжуна, а приобрели авторитет учителей.

Усложнение политической структуры, зримое разрушение этических норм порождали состояние общества, которое характеризовалось как у дао 無道, «беспутное» или «не-правильное» [См., напр., 6; 3.24, 5.2, 5.21, 8.13, 12.19, 14.1, 14.3, 14.19, 15.7, 16.2; 7; 7.7, 13.42 и др.]. Таким образом,

¹ Подобные процессы социальной миксации были характерны и для другой переломной эпохи – периода развития европейского капитализма XVI-XIX вв. Здесь стоит вспомнить не только мольеровского «мещанина во дворянстве», но и одно из значений английского слова gentleman – молодой человек аристократического происхождения и манер, но лишённый наследства и состояния. Мы не вспоминали бы об этом факте, однако же, этим словом, на наш взгляд, удивительно точно переводится китайское цзюнь-цзы 君子 – изначально, дословно, «сын правителя», «молодой господин» (ср. нем. Junker), а ко времени Конфуция стало тяготеет к значению «благородный молодой человек».

возник запрос на новое осмысление захлестнувших проблем и на стабилизацию, «исправление» ситуации.

2) «Сеятели». Большому количеству выбитой из прежних социальных верхов аристократии был ныне уготован именно путь духовных поисков. В Греции аристократическое происхождение имели Гераклит, Гекатей, Эмпедокл и конечно, Платон, возводивший своё происхождение к роду легендарного царя Аттики Кодра.

Многие из них по-прежнему видели прошлое в «золотом» свете, но важно не это, а то, что отличали их попытки самостоятельной, личной, рефлексивной оценки состояния общества. Человек получает достаточно свободы, чтобы говорить от своего имени, как издавна подобало аристократу на поле боя. В этико-политических воззрениях многих из первых философов, как греческих, так и китайских, мы видим не только возмущение текущим состоянием общества по причине отхода от «правильных» аристократических порядков, но и процесс трансформации прежних аристократов, потомков воинов, в «аристократию духа». В Греции эти процессы прямо поощрялись развитой агональностью, в Китае же если и существовали механизмы, препятствующие такому положению вещей, то они, как правило, распространялись лишь на простоложенных, да и то, как мы видели из наших примеров, были вполне обходимы.

Как обедневшая аристократия, так и интеллектуалы из низших слоёв стали привлекаться к управлению усложнившимся государственным механизмом. «Взамен утраченной необходимости общинно-родового миропорядка (обычай, ритуально-мифологическая регламентация поведения) мудрец ищет нетрадиционную систему духовных ценностей, новый кодекс этико-религиозного и политико-правового бытия человека. Поэтому по роду своей занятости он практик, а не теоретик, деятель, а не сосредоточенный мыслитель, и мудрость его, в сущности, сводится к *умению* уловить насущные потребности времени и направить неорганизованный человеческий субстрат в русло законности и порядка» [8; С.40-41].

3) «Благодатная почва». Главная социальная функция «аристократов духа» оказалась вовсе не в увещании правителей – со временем таковой стала функция педагогическая. Философы как в Греции, так и в Китае начали восприниматься как учителя, знания которых могут помочь сделать карьеру. К ним шли за тем же, за чем сегодня идут студенты в университет. Именно поэтому вокруг философов всегда вращалось достаточно способной и грамотной молодёжи, с пиететом относящейся к своим учителям. Восклициания Алкивиада в адрес Сократа в платоновском пире мы, как в зеркале, наблюдаем в тихом восхищении Цзыгуна космическими масштабами своего учителя Конфуция [6; 19; 23]. Вместе с тем, появилось немало бродячих философов, которые, подобно Ян Чжу, бродили по городам,

оставляя после себя группы восторженных почитателей, которые видели в их словах реальный выход и утешение.

4) «Защита восходов». В социально-политическом устройстве Греции и Китая периода Осевого времени есть ряд удивительно схожих моментов. Полисы в Греции и княжества в Китае, находясь в состоянии политической раздробленности, пребывали в постоянной конкуренции друг с другом. Это приводило к ослаблению общегосударственной идеологии, и многовариантности путей развития. Правители княжеств эпохи Чуньцю и их первые советники достаточно рано отошли от общечжоуских ритуальных требований в пользу прагматической политики. Так, например, в 536 г., (год, когда юный Кун Цю, по его позднему признанию, обратил помыслы к учению), в другом небольшом царстве Чжэн произошло знаменательное событие, вызвавшее в Китае большой резонанс. Чжэнский канцлер-цзайсян Гунсунь Цяо 公孫僑 (второе имя-цзы Цзы Чань 子產, ? – 522 г. до н.э.), приказал отлить большой бронзовый треножник с полным сводом новых законов. Исходившие, врезан ритуалу, не от чжоуского вана, такого рода своды законов воспринимались как покушение на родовые устои, но тем не менее, внутренняя дивергенция политических устоев в чжоуских княжествах продолжалась.

Власть имущие легко формулировали собственные политические доктрины типа того же Гуань Чжуна, Цзы Чаня, других ранних легистов, и эти доктрины находили подтверждение на практике. Обычные мыслители беспрепятственно странствовали по этим царствам, набирая себе сторонников, как это делали Мо-цзы или Ян Чжу. «Мудрые цари-ваны перестали появляться, удельные князья-чжухоу творят [всё] по своей воле, безработные учёные погрязли в спорах, речи Ян Чжу и Мо Ди заполнили Поднебесную» [7; 6.14]¹. В государстве Чу местный даос по имени Встречающий Колесницы запросто смог бросить в лицо проезжающему в экипаже Конфуцию «Как низко пала твоя благодать!» [6; 18.5]. Свободные диспуты как между представителями философских школ, так и внутри школы, уже в V в. до н.э. стали обычным явлением, именно они способствовали разработкам в школах моистов и номиналистов философской логики.

В Китае, как и в Греции, не сложилось особой касты жрецов, монополизировавших право на знание. Культы и ритуалы на уровне государства проводил непосредственно правитель (в случае с греками их исполнение

¹ Характерно, что Мэн-цзы, будучи конфуцианцем, рассматривает подобное положение вещей как негативное, однако, постоянно общаясь с сильными мира сего, не считает чем-то возможным, например, пресечь деятельность оппонентов при помощи властей. Даже намёков на что-то подобное мы в Древнем Китае не встречаем.

нередко входило в число полисных должностей), на уровне дома – хозяин дома. Таким образом, не сложилось каст, которые могли бы потенциально пресекать свободную мысль. В отличие от истории греческой классической философии, в истории китайской классической философии мы не обнаруживаем случаев, когда философ был каким-то образом наказан, а уж тем более казнён за свои идеи¹.

Если уровень духовного свободомыслия в эпохи Чуньцю-Чжаньго был достаточно высок, то уровень интеллектуальной мобильности в Древнем Китае являлся попросту уникальным. Фактом является то, что практически все крупные китайские философы классической эпохи – Конфуций (и его ученики!), Мо-цзы, Ян Чжу, Лао-цзы (согласно легенде), Шан Ян, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы, – они все либо нашли своё применение своим талантам на службе за пределами родного княжества, либо, как минимум, искали его там. Шан Ян родился в Вэй, а министром стал в Цинь. Сюнь-цзы родился в Чжао, а министром стал в Чу. В Ци возникла знаменитая академия Цзися, объединявшая учёных из разных областей Китая, то же касается коллектива учёных, которых уже в III в. до н.э. собрал Люй Буэй при дворе в Цинь. Полководец Сунь-цзы, родился в Ци, а служил У. У-цзы родился в Вэй, а служил в Лу, Вэй и Чу. Эти процессы получили отражение в пословицах *Цинь чао Чу му* 秦朝楚暮 «Цинь утром, Чу вечером» или *Чу цай Цзинь юн* 楚材晋用 «чуские таланты, цзиньское использование».

5) «Правила севооборота». При том, что философия в Греции возникла на сотню лет раньше, чем в Китае, греческие философы долгое время могли позволить себе не слишком рефлексировать по поводу собственного занятия. Философская школа в собственном смысле слова – с единым схолархом и местом для занятий, а также осознающей себя традицией – обнаруживается только у Платона [3; С. 126]. В Китае же философия началась сразу как философская школа (*цзя* 家, а собственно к философии прилагался термин «учение» *сюэ* 學). Формирование контура самоописания философии подразумевает наличие философской школы, которая, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство учеников, которые будут способствовать систематизации учения Учителя и посвящать себя дальнейшей его разработке и пропаганде. Ни Пифагор, ни Сократ, ни Будда, ни Конфуций, ни Ян Чжу ничего не писали. Их идеи стали известны нам посредством их

¹ Легисты Шан Ян и Хань Фэй-цзы умерли не своей смертью, но первый погиб в политической борьбе, второй стал жертвой придворных интриг. Удаление Конфуция и отставка Сюнь-цзы также были связаны с их политической деятельностью, но никак не с их идеями.

благодарных учеников¹, а некоторые учения просто расхитились устно. Книга «Мо-цзы» большей частью написана учениками Мо-цзы, книга «Мэн-цзы» – в значительной степени, «Чжуан-цзы» представляет собой фактически «сумму» идей и историй даосских философов, «сумму», заметим, пополнявшуюся вместе с их именами, известными нам благодаря этой книге.

Концепция пяти предпосылок позволяет, в частности, ответить на вопрос, почему, к примеру, не смогла возникнуть самобытная философская традиция в Древней Месопотамии или Иудее – несмотря на глубокую рефлексивность, скажем, эпоса о Гильгамеше или «Книги Иова». Несмотря на наличие духовной потребности (хотя бы в ограниченных слоях ближневосточных обществ), и благодатной почвы, которая могла бы воспринять философский текст, мы не имеем ни чётко артикулированного автора, не только осознающего проблему – это как раз было – каким-то образом выделяющего себя из пласта традиции как носителя оригинальных решений, ни ситуации духовной свободы, вращивавшей подобных авторов, ни, само собой разумеется, контура самоописания феномена – за неимением самого феномена. Хотя ограниченность предпосылок дала ближневосточной духовности иной рисунок – место философа там занял пророк. Исторически и эволюционно именно пророк является последней перед философом фигурой. Он может иметь поклонников (3-я предпосылка) и даже осознаёт себя как пророк, тексты которого хранятся и переписываются (5-я предпосылка), и он уже имеет имя, но имя его говорит устами Божества в полном смысле слова, а не в рефлексивном, как у Гераклита, Парменида или Сократа.

В Китае же все пять предпосылок в эпохи Чуньцю-Чжаньго оказались налицо. И китайская философия обрела своё существование именно как философия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словеность» // Его же. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. – 452 с.
3. Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. – М.: Русский фонд содействия Образованию и Науке, 2012. – 446 с.

¹ Хотя то, что дошло, например, от Пифагора или Будды, с точки зрения историчности никак не может быть равноценно тому, что дошло от Конфуция.

4. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 320 с.
5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 643 с.
6. Лунь юй (Избранные беседы) // Лунь юй. Да сюэ. Чжун юн. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2013. – 360 с.
7. Мэн-цзы. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2017. – 160 с.
8. Сёмушкин А.В. Генезис древнегреческой философии // Его же. Избранные сочинения: в 2 тт. – Т.1. – М.: РУДН, 2009. – 638 с.
9. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Т.1-4. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2008.
10. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Его же. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

TRANSLIT

1. Averincev S.S. Grecheskaya «literatura» i blizhnєvostochnaya «slovenost'» // Ego zhe. Obraz antichnosti. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – 480 s.
2. Gegel G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk. T.1. Nauka logiki. M.: Mys!, 1974. – 452 s.
3. Zhmud' L.Y. Pifagor i rannie pifagorejcy. – M.: Russkij fond sodejstviya Obrazovaniju i Nauke, 2012. – 446 s.
4. Zajcev A.I. Kul'turnyj perevorot v Drevnej Grecii VIII-V vv. do n.e. – SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2000. – 320 s.
5. Luman N. Social'nye sistemy. Ocherk obshchej teorii. – SPb.: Nauka, 2007. – 643 s.
6. 论语 [Lun Yu (The Analects)] // 论语. 大学. 中庸. 北京: 中华书局, 2013. – 360 s. (in Chinese).
7. 孟子 [Mengzi]. 北京: 中华书局, 2017. – 160 s. (in Chinese).
8. Syomushkin A.V. Genezis drevnegrecheskoj filosofii // Ego zhe. Izbrannye sochineniya: v 2 tt. – T.1. – M.: RUDN, 2009. – 638 s.
9. 司马迁 [Sima Qian]. 史记 [Records of the Grand Historian]. 全四册. 北京: 中华书局, 2008. (in Chinese).
10. Heidegger M. Chto takoe metafizika? // Ego zhe. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. – M.: Respublika, 1993. – 447